

ложное извѣстіе попало въ лондонскія газеты, тогда они нашлись вынужденными разослать телеграммы всѣмъ кого только знали, маркизу, лондонскому стряпчему, мистеру Робертсу, эконоmekъ въ Гендонъ-Голль. Лэди Амальдина отправила двѣ телеграммы, одну лэди Персифлажъ, другую лорду Любюдютлю. Вивіанъ послалъ нѣсколько денегъ своимъ сослуживцамъ. Готбой особенно хлопоталъ о томъ, чтобы правда стала извѣстна всѣмъ членамъ его клуба. Никогда до сихъ поръ не отправлялась такая масса телеграммъ съ маленькой станціи въ Джимберлей. Но была одна, которую Гэмпстедъ попросилъ отправить раньше всѣхъ, онъ написалъ ее собственноручно и самъ вручилъ телеграфисткѣ, которая, безъ сомнѣнія, отлично поняла, въ чемъ дѣло.

«Маріонъ Фай, Галловэй, Парадизъ-Роу, 17.

«Не я ушибся. Буду въ № 17 три часа, понедѣльникъ.»

— Желала бы я знать, слышали ли они объ этомъ въ Траффордъ,—сказала лэди Амальдина лэди Франсесъ.

— Если да, какое ужасное разочарованіе придется испытать моей тетушкѣ.

— Не говори такихъ ужасовъ,—сказала лэди Франсесъ.

— Мнѣ всегда кажется, что тетя Клара не совсѣмъ въ здоровомъ умѣ насчетъ своихъ дѣтей. Она думаетъ, что ей великая обида, что сынъ ея не наслѣдникъ. Теперь она, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, воображала, что онъ имъ сталъ.

— А что вы думаете, вѣдь онъ поправится,—объявилъ Готбой передъ самымъ обѣдомъ. Онъ каждый часъ бѣгалъ въ гостиницу, справляться о положеніи бѣднаго Уокера. Сначала вѣсти были довольно мрачныя. Докторъ только могъ сказать, что изъ того, что онъ переломалъ себѣ кости, еще не слѣдуетъ, что онъ умретъ. Къ вечеру пріѣхалъ хирургъ изъ Лондона, который подавалъ нѣсколько большія надежды. Молодой человекъ пришелъ въ сознаніе, не безъ удовольствія пилъ водку пополамъ съ водой. Этотъ-то фактъ и показался молодому лорду Готбою такимъ утѣшительнымъ.

Въ понедѣльникъ лордъ Гэмпстедъ и лэди Франсесъ вѣхали, такъ какъ о больномъ по прежнему получались удовлетворительныя свѣдѣнія. Что онъ сломалъ три ребра, ключицу и руку, ставилось ни во что. Особого значенія не придавали также ранѣ на головѣ—лошадь лягнула, пока они барахтались. Такъ какъ мозгъ не вылетѣлъ, то это было не важно. Онъ разрѣзалъ щеку объ коль, на который упалъ, но рубецъ, думали товарищи, только послужитъ къ вящей его славѣ.